

А. Б. Баумштейн

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

5

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Поступила в редакцию 21.01.2026 г.

Принята к публикации 14.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1

Для цитирования: Баумштейн А. Б. Зарубежный опыт правового регулирования использования труда осужденных к лишению свободы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 5 – 22. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1.

Рассмотрен зарубежный опыт правового регулирования труда лиц, отбывающих лишение свободы, в контексте целей наказания, ресоциализации и соблюдения прав человека. Цели исследования заключаются в выявлении моделей регулирования тюремного труда и оценке их применимости для совершенствования российской уголовно-исполнительной политики. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ, а также историко-правовой и системный подходы. Обоснована типология зарубежных решений, охватывающая модели с обязанностью труда, модели с обязанностью участия в индивидуальном плане отбывания наказания и модели, ориентированные на рыночную кооперацию с частным сектором. Показано, что ключевыми критериями качества регулирования выступают юридическая ясность статуса работающего осужденного, гарантии охраны труда, справедливость вознаграждения, недопустимость эксплуатации и наличие судебного контроля. Сформулированы предложения по развитию отечественного регулирования с учетом международных стандартов и сравнительного опыта.

Ключевые слова: труд осужденных, лишение свободы, уголовно-исполнительное право, сравнительное правоведение, ресоциализация, пенитенциарная политика

Введение

Труд осужденных к лишению свободы традиционно рассматривается как один из центральных институтов уголовно-исполнительного права: он одновременно выступает средством исправления, механизмом обеспечения нормальной жизнедеятельности учреждений, источником

профессиональных компетенций и, в ряде систем, элементом компенсации вреда потерпевшим и покрытия расходов содержания. В российском праве эта многозадачность закреплена на уровне принципов и специальных норм, однако практическая реализация наталкивается на известные структурные ограничения: ограниченность рабочих мест, несоответствие профилей производства современным требованиям рынка, сложности с охраной труда и мотивацией, а также дискуссии о соотношении уголовно-исполнительного и трудового законодательства.

Зарубежный опыт показывает, что сходные проблемы решаются по-разному: одни правовые порядки сохраняют «обязанность труда» как парадигму тюремной дисциплины и исправления, другие смещают акцент на «обязанность участия» в индивидуальном плане исполнения наказания, позволяя замещать труд обучением и программами ресоциализации, третьи активнее допускают частный сектор, что повышает занятость и профессионализацию, но усиливает риски эксплуатации и подмены целей наказания экономическими стимулами. В отечественной науке устойчиво отмечается, что обязательный характер труда предполагает встречную обязанность государства обеспечить рабочие места и условия труда, соответствующие требованиям охраны труда и санитарным нормам; без этой корреляции институт утрачивает исправительный смысл и превращается в источник конфликтов [14, с. 28–29].

Актуальность сравнительного анализа усиливается и тем, что правовые системы в последние годы активнее обсуждают труд осужденных в терминах прав человека и трудовых прав: спор о том, является ли труд в местах лишения свободы «обычной работой» или особой формой исполнения наказания, проецируется на вопросы вознаграждения, социального страхования, охраны труда, допуска профсоюзов и судебной защиты. В зарубежной доктрине набирает силу позиция о том, что исключение работающих осужденных из сферы трудовых гарантий формирует «структуры эксплуатации» и препятствует реинтеграции; при этом подчеркивается, что труд в тюрьме во многих европейских правовых порядках не является частью карательного содержания, но остается фактически обязательным [20, р. 410–411].

Исторически институт тюремного труда развивался нелинейно. В европейской традиции XIX в. труд рассматривался как инструмент «нравственного исправления» и одновременно как средство самоокупаемости тюрем, что уже тогда порождало двойственность целей. Для русскоязычной пенитенциарной мысли характерно раннее осознание опасности подмены исправления хозяйственными интересами: в дореволюционных работах фиксировалось, что «экономическая выгода» может вступить в конфликт с задачей подготовки к свободной жизни и с требованиями гуманизации режима [1, с. 52–55].

В современной российской доктрине сохранена идея труда как ключевого средства исправления, однако подчеркивается, что его содержание меняется вместе с рынком труда и технологиями. Т.Ф. Миняева справедливо отмечала, что «труд осужденных должен быть ориентирован на формирование социально полезных навыков и готовности к за-

конопопослушной жизни», а потому не может сводиться к формальной занятости или к воспроизводству устаревших производственных практик [7, с. 31 – 32].

Наконец, зарубежные дискуссии о «тюремной экономике» показывают, что вопрос о труде осужденных в XXI в. невозможно решать в отрыве от прав человека, трудовых прав и социальной политики. Речь идет не только о праве на труд и обязанности работать, но и о праве на безопасные условия труда, справедливое вознаграждение, недискриминацию, доступ к обучению, а также на эффективную жалобу и судебный контроль. Российские авторы, анализирующие конституционно-правовые основы, обоснованно делают вывод, что любые ограничения прав в сфере труда в условиях лишения свободы должны быть пропорциональны целям наказания и прямо предусмотрены законом [4, с. 28 – 30].

7

Цели настоящего исследования — выявить ключевые модели зарубежного регулирования труда осужденных к лишению свободы и сформулировать предложения по использованию сравнительного материала при совершенствовании российского регулирования. Задачи включают анализ международных стандартов, описание типологии моделей, рассмотрение отдельных национальных кейсов и выведение критериев, позволяющих оценивать качество регулирования с точки зрения целей исправления и правовых гарантий.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы, позволяющие сопоставить нормативные решения разных стран и выделить общие закономерности. Используются элементы историко-правового подхода для объяснения генезиса «обязанности труда» как пенитенциарной идеи, а также системный анализ — для оценки того, как нормы о труде связаны с режимом, воспитательной работой, профессиональным обучением, материальным обеспечением и механизмами контроля. Эмпирической базой служат доктрина и публикации, посвященные организации труда осужденных в России и зарубежных правовых порядках, а также официальные международные стандарты, задающие границы допустимого принуждения к труду.

В выборку национальных моделей включены Германия, Финляндия и Япония как правовые порядки, демонстрирующие различное соотношение дисциплинарных, реинтеграционных и экономических целей тюремного труда. Дополнительно учитываются обобщающие исследования и доктринальные позиции, сформированные в европейской и англо-американской науке, поскольку именно там наиболее интенсивно обсуждаются проблемы «эксплуатации», социального страхования и статуса работающего осужденного. [20, р. 412 – 415; 21, р. 505 – 508; 22, р. 860 – 865].

Международные стандарты и пределы допустимого принуждения

Сравнительное исследование неизбежно начинается с международных рамок. Вопрос «принудительности» тюремного труда не может решаться абстрактно: международное право допускает исключение

для труда лиц, осужденных по приговору суда, при условии, что труд выполняется под контролем публичной власти и осужденный не предоставляется в распоряжение частных лиц и организаций. В современной интерпретации эти положения дополняются требованиями к охране труда, профессиональной подготовке и ориентации труда на реинтеграцию, что отчетливо прослеживается в европейских пенитенциарных стандартах и Правилах Нельсона Манделы.

Европейские тюремные правила закрепляют принцип «справедливого вознаграждения» и предписывают, чтобы предоставляемая работа по возможности сохраняла или повышала способность заключенных зарабатывать на жизнь после освобождения. В доктрине справедливо отмечается, что эти стандарты «переводят» институт труда из логики наказания в логику социальной адаптации: труд оценивается не по объему продукции, а по тому, насколько он приближен к условиям внешнего рынка труда, насколько он безопасен и насколько связан с обучением и квалификацией [17, с. 84–86].

Национальные системы, расходясь в деталях, сходятся в одном: труд должен быть включен в конструкцию исполнения наказания как юридически регулируемая деятельность, а не как административная практика. Иначе возникает поле для произвольных ограничений и конфликтов, что особенно опасно, когда труд становится основанием для поощрений, применения дисциплинарных мер или оценки исправления при решении вопросов условно-досрочного освобождения.

Особое значение для европейского пространства имеет практика Европейского суда по правам человека по статье 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей принудительный труд с оговорками. Суд последовательно исходит из того, что труд заключенных может подпадать под исключение для «работы, требуемой от лица, находящегося в законном заключении», однако государство должно обеспечивать такие условия, чтобы труд не носил унижающего достоинство характера и сопровождался разумными гарантиями. Примечательно, что в деле *Stummer v. Austria* Большая Палата обсуждала вопрос о социальном страховании заключенных, подчеркнув значимость социально-реинтеграционного измерения тюремного труда.

Проблематика социального страхования и пенсионных прав работающих осужденных является индикатором того, насколько система действительно ориентирована на реинтеграцию. Если труд осужденного трактуется как исключительно пенитенциарная обязанность, то социальные последствия труда «обнуляются»: работа не создает страхового стажа и не формирует устойчивой связи между легальной занятостью и социальной защитой. Именно поэтому в современной европейской доктрине вопрос о вознаграждении и страховании обсуждается как структурная гарантия против эксплуатации и как инструмент снижения постпенитенциарных рисков [20, p. 420–423].

Международная организация труда, в свою очередь, рассматривает тюремный труд через призму запрета принудительного труда и «непредоставления» заключенных частным субъектам без публичного контроля. Доктрина обращает внимание на то, что гибридные модели, ос-

нованные на контрактном производстве и работе для внешнего рынка, требуют уточнения критериев «контроля публичной власти» и правовых механизмов защиты от коммерческой эксплуатации [21, р. 510–514].

В российской доктрине международные стандарты интерпретируются как ориентир для совершенствования национального регулирования: подчеркивается необходимость сближения условий труда в местах лишения свободы с общими стандартами охраны труда и социальной защищенности, а также развития профессионального обучения как обязательного элемента трудовых программ [17, с. 86–88; 18, с. 104–106].

Типология зарубежных моделей правового регулирования труда осужденных

9

Анализ научной литературы и нормативных решений позволяет выделить три обобщенные модели зарубежного регулирования. Первая — модель «обязанности труда» (*duty to work*), при которой труд выступает обязательным элементом режима и юридически закрепляется как обязанность осужденного. Вторая — модель «обязанности участия» (*duty to participate*), где ключевым является индивидуальный план отбывания наказания: осужденный обязан участвовать в предусмотренных планом активностях, а труд считается одной из равноправных форм наряду с обучением и программами коррекции. Третья — рыночно-кооперационная модель, допускающая широкое участие частных субъектов в организации труда, включая производство для внешнего рынка и работу на предприятиях вне учреждения; она дает рост занятости и квалификации, но требует усиленных правовых гарантий против эксплуатации и подмены целей наказания.

При всех различиях в каждой модели ключевыми остаются пять параметров: правовой статус работающего осужденного (включая применимость трудового законодательства); режим принуждения и санкции за отказ; порядок оплаты и удержаний; стандарты охраны труда и ответственность администрации; механизмы контроля и судебной защиты. Российская доктрина подчеркивает, что именно неопределенность статуса и «смешение» отраслевых регуляторов порождает наибольшее число практических коллизий и затрудняет обеспечение правовых гарантий [2, с. 64–66].

Отдельный аспект типологии связан с правовой природой отношений, складывающихся при трудовой занятости осужденных. С. В. Чубраков указывает, что эти отношения обладают «смешанной природой», поскольку основаны на публично-правовом принуждении, но содержательно воспроизводят элементы трудовых отношений и требуют применения гарантий охраны труда и оплаты [18, с. 100–102].

О. В. Соколова и И. Б. Степанова, анализируя законодательные проблемы, обращают внимание, что распространение трудовых гарантий на осужденных неизбежно ограничено режимом лишения свободы, однако отказ от гарантий приводит к снижению исправительного эффекта и росту конфликтности. Ими подчеркивается необходимость «законодательной определенности» и устранения коллизий между уголовно-исполнительным и трудовым регулированием [16, с. 79–81].

Сравнительный вывод состоит в том, что успешные зарубежные модели не столько выбирают между «публично-правовой» и «частноправовой» квалификацией, сколько конструируют специальный правовой режим, сочетающий обязательность активности с минимальными трудовыми гарантиями и развитой процедурной защитой. Именно эта архитектура позволяет использовать труд как средство исправления, а не как инструмент административного управления или экономической выгоды.

В части оплаты труда зарубежные системы используют разные конструкции: фиксированное «денежное довольствие», процент от тарифной ставки, сдельная оплата, а также комбинированные модели с разделением средств на текущие расходы, обязательные удержания и накопления к освобождению. При этом сравнительное значение имеет не столько конкретная формула, сколько прозрачность начислений и возможность осужденного понимать, как формируется его доход и какие удержания производятся. Российские исследования неоднократно подчеркивали, что непрозрачность удержаний и низкий «чистый» заработок демотивируют и снижают воспитательный потенциал труда [11; 13, с. 399 — 401].

Германия: «обязанность труда» при правовой нормализации условий и дискуссии о вознаграждении

Германская пенитенциарная модель традиционно относится к системам с обязанностью труда. В федеральном и земельном законодательстве об исполнении лишения свободы труд рассматривается как обязательный элемент исправления, а администрация обязана предоставить рабочие места и обеспечить безопасность труда. В отечественной сравнительно-правовой литературе подчеркивается, что германское регулирование стремится «нормализовать» условия труда, приближая их к гражданскому обороту: закон закрепляет требования к организации труда, профессиональному обучению, а также правила оплаты и использования заработка [6, с. 43 — 45].

Значимым элементом германского подхода является институциональная связка труда с профессиональной подготовкой и социальной работой. Практика ориентирована на то, чтобы трудовая занятость обеспечивала навыки, востребованные на рынке. Тем самым труд выступает не «целью сам по себе», а инструментом формирования ответственности и профессиональной идентичности. Вместе с тем германская доктрина и правоприменение на протяжении многих лет обсуждают вопрос о справедливости вознаграждения и о социальном страховании осужденных: в фокусе — соотношение «тюремной» оплаты с минимальными стандартами и последствия для интеграции после освобождения. Российские исследователи, анализирующие баварское законодательство, обращают внимание на детальность нормативной проработки и на то, что регулирование труда встроено в более широкий комплекс гарантий, включая порядок рассмотрения жалоб осужденных [15, с. 76 — 77].

В российской науке акцентируется и иной аспект: германская модель демонстрирует важность четкого разграничения публично-правовых

целей труда (исправление, поддержание порядка) и экономических целей производства. «Работа в местах лишения свободы должна быть организована таким образом, чтобы содействовать исправлению и подготовке к свободной жизни, а не превращаться в самоцель хозяйственной деятельности учреждения», — этот тезис последовательно проводится в сравнительных исследованиях, посвященных Германии [6, с. 44].

Сравнение германских норм с российскими позволяет выделить две методологически важные особенности. Во-первых, германское законодательство последовательно фиксирует идею «нормализации» (Normalisierung): условия отбывания наказания, включая труд, должны по возможности приближаться к условиям жизни на свободе. Во-вторых, германские законы об исполнении наказаний детально регламентируют распределение заработка, компенсации и накоплений, что снижает произвол и повышает предсказуемость правового положения осужденного.

При этом именно вопрос о вознаграждении в Германии стал предметом интенсивной правовой дискуссии. В центре — проблема «реального вознаграждения», достаточного для поддержания трудовой мотивации и формирования навыков финансовой ответственности. Сравнительные авторы отмечают, что недостаточное вознаграждение подрывает реинтеграционный потенциал труда, поскольку после освобождения осужденный не имеет базовых накоплений и сохраняет низкую ценность трудовой занятости как жизненной стратегии [Там же, с. 45–46].

Значимым аспектом германского опыта является развитая система рассмотрения жалоб и судебной защиты в сфере исполнения наказаний, включая вопросы организации труда и оплаты. Анализ земельного законодательства (в том числе Баварии) показывает, что правовые механизмы защиты прав осужденных включают административный пересмотр и доступ к суду, что институционально поддерживает идею права и предсказуемости в условиях изоляции [15, с. 77–78].

Показателен и вопрос о социальном страховании в контексте обязанностей труда. В немецкой правовой и политической дискуссии обсуждаются варианты включения труда осужденных в системы страхования, что воспринимается как элемент нормализации и признания труда социально значимой деятельностью. В сравнительном плане это соотносится с европейским обсуждением пенсионных прав заключенных после дела *Stummer v. Austria* и с аргументом о том, что отсутствие страховых механизмов снижает реинтеграционный эффект труда [20, р. 420–423].

Финляндия: «обязанность участия» и приоритет индивидуального плана

Финляндия часто рассматривается как пример «скандинавского» подхода, в котором пенитенциарная политика строится на минимизации вреда изоляции и на сохранении социальных связей. Нормативно труд включен в систему активности осужденных, но ключевым институтом выступает индивидуальный план отбывания наказания: осужденный обязан участвовать в предусмотренных планом мероприятиях, а труд конкурирует и кооперируется с обучением, программами лечения зависимостей и иными формами коррекции.

В описании финской системы подчеркивается, что ключевым ориентиром является «подготовка к жизни на свободе», а потому приоритет отдается тем формам занятости, которые повышают шансы трудоустройства. В российской литературе по сравнительному пенитенциарному праву отмечено, что в Финляндии на уровне организации учреждений и режимов существуют формы, позволяющие осужденному работать за пределами учреждения и постепенно адаптироваться к внешнему рынку труда, сохраняя при этом контроль и безопасность [5, с. 92–94].

Особое значение имеет логика «обязанности участия», которая снижает конфликтность: отказ от конкретного вида труда не всегда трактуется как нарушение дисциплины, если осужденный согласен на альтернативную активность, предусмотренную планом (например, обучение). Этот подход, с одной стороны, соответствует современным стандартам ресоциализации, а с другой — требует развитой инфраструктуры программ и высокого профессионального уровня персонала. «Индивидуализация исполнения наказания предполагает, что трудовая занятость соотносится с образованием и профессиональными перспективами осужденного», — подчеркивают исследователи финской модели [Там же, с. 91].

Финская модель особенно показательна тем, что в ней труд не абсолютизируется как единственный инструмент исправления. Система режимов предполагает широкое использование открытых учреждений и постепенное расширение контактов с внешней средой. Это влияет и на трудовую занятость: по мере снижения рисков осужденный может быть включен в формы работы за пределами учреждения, сохраняя при этом надзор и контроль, что обеспечивает «переходность» между тюремным трудом и обычной занятостью на рынке [Там же, с. 93–95].

Сравнительно-правовой вывод состоит в том, что финская система минимизирует дисциплинарные конфликты вокруг труда за счет индивидуализации и разнообразия активностей. В российском контексте это позволяет сформулировать гипотезу: дефицит рабочих мест и ограниченность производственной базы следует компенсировать расширением программ обучения и социальной адаптации, которые юридически могут рассматриваться как эквивалентная форма выполнения «обязанности участия». Подобное предложение корреспондирует с отечественными исследованиями, настаивающими на необходимости увязки труда с образованием и квалификацией [9, с. 344–346; 14, с. 31–33].

В финской системе оплата труда и иных активностей часто организована через режим «денежного пособия» или вознаграждения, сочетающего стимулирующую и социальную функции. Это важно для сравнительного вывода: даже при отсутствии полной рыночной оплаты система стремится обеспечить осужденному минимум экономической автономии, необходимой для поддержания социальных связей и формирования ответственности. Российские авторы, описывающие финский опыт, обращают внимание на то, что финансовая составляющая встроена в индивидуальный план и увязана с обучением и реабилитационными программами [5, с. 94–96].

Япония: обязательность труда, дисциплинарная логика и стимулирующее вознаграждение

Японская модель относится к системам, где труд сохраняет выраженную дисциплинарную и воспитательную функцию. В доктринальных описаниях отмечается высокий уровень регламентации режима и значительная роль труда как повседневной практики, формирующей навыки самоконтроля. Правовое регулирование основывается на специальном акте о пенитенциарных учреждениях и обращении с осужденными, где закрепляются виды деятельности, порядок поощрений и дисциплинарных мер, а также правила оплаты труда и накоплений.

Отечественные авторы, сопоставляющие российское и японское регулирование, подчеркивают, что в Японии труд воспринимается как часть «обучающего режима»: приоритет отдается видам работ, обеспечивающим дисциплину и профессиональные навыки, а стимулирующие выплаты рассматриваются как инструмент мотивации и поддержки на период после освобождения [8].

Сравнительная ценность японского опыта состоит в демонстрации того, что высокая дисциплинарная нормативность может сочетаться с развитой системой поощрений и практиками накоплений для освобождения. Вместе с тем эта модель в меньшей степени ориентирована на «рыночную» автономию осужденного и требует осторожной экстраполяции в правовую систему, где акцент смещен к трудовым правам и социальному страхованию.

Для оценки японского подхода важно учитывать его культурно-правовой контекст: дисциплина и порядок традиционно рассматриваются как необходимые условия исправления, а труд — как ежедневная практика, формирующая устойчивые привычки. Практико-ориентированная ценность модели заключается в том, что трудовая занятость комбинируется с профессиональной подготовкой, а результаты труда используются также для формирования «освободительного фонда», помогающего адаптироваться после освобождения.

Сравнительный риск, который следует зафиксировать, связан с возможной «закрытостью» системы труда и обучения от внешнего рынка. Если виды работ и обучения отстают от современных технологий, то дисциплинарная эффективность может не трансформироваться в социальную эффективность. Поэтому при использовании японского опыта в сравнительных выводах целесообразно отделять организационные решения (регламентация, мотивация, накопления) от конкретных производственных профилей, которые всегда национально обусловлены [Там же].

Рыночная кооперация и риски «тюремной экономики»

В англо-американской дискуссии о тюремном труде значительное внимание уделяется вопросу, может ли осужденный рассматриваться как «работник» в смысле трудового законодательства и распространяются ли на него гарантии, включая минимальную оплату труда и антидискриминационные стандарты. Американская доктрина показывает,

что многие судебные решения отказываются признавать заключенных работниками, мотивируя это тем, что труд в тюрьме имеет преимущественно пенитенциарную, а не экономическую природу. Н. Д. Затц показывает, что споры о статусе работающих заключенных связаны не только с традиционным критерием организационного контроля, но и с экономическим измерением трудового отношения: вопрос состоит в том, считается ли оплачиваемая, но нерыночная работа частью «экономики» и потому подпадает ли она под режим трудового права [22, р. 862–866].

С позиции сравнительного права принципиально важно, что расширение частного участия — от контрактного производства внутри учреждения до форм занятости вне учреждения — усиливает потребность в юридических «предохранителях». Именно на этом настаивают исследователи, анализирующие позицию Международной организации труда, — Ф. Милман-Сиван и Я. Сэги. Они доказывают, что подход МОТ к тюремному труду сталкивается с практикой распространения публично-частных гибридных форм; государства, критикующие жесткое разграничение публичной и частной сфер, добиваются более гибкого подхода, который, по их утверждению, лучше согласуется с современными экономическими условиями и интересами [21, р. 505–507].

В отечественной литературе подобные риски рассматриваются через призму баланса между экономической эффективностью производственного сектора и целями исправления. Подчеркивается, что ставка исключительно на внешние заказы и прибыльность может привести к вытеснению образовательных и социально-реабилитационных программ, тогда как слабая производственная база порождает безработицу, формальную занятость и рост дисциплинарных конфликтов [12, с. 266–268].

Рыночно-кооперационная модель, как показывает зарубежный опыт, необязательно означает приватизацию тюремного труда. В европейских странах участие частных субъектов чаще строится вокруг подрядных отношений и обучения, при этом публичная власть сохраняет определяющую роль в распределении труда и в контроле условий. Риски возникают тогда, когда экономические стимулы начинают влиять на режим и на решения о распределении осужденных, либо когда доступ к жалобам и судебной защите фактически ограничен. Современная европейская доктрина подчеркивает, что граница между «профессионализацией» и «эксплуатацией» проходит по линии юридических гарантий и прозрачности вознаграждения [20, р. 419–421].

С этой точки зрения для российской системы актуален вопрос о правовом дизайне производственного сектора. С одной стороны, исследования фиксируют объективные сложности обеспечения рабочих мест и соответствия условий труда стандартам охраны труда в условиях рыночной экономики и закупочных процедур; с другой — законодательные и организационные решения могут смягчать эти риски путем диверсификации занятости, акцента на обучении и развитии партнерств, не превращающих труд осужденных в товар без должной защиты [14, с. 28–31].

Сравнительный материал показывает, что в ряде стран значительную роль играют сельскохозяйственные и самообеспечивающие виды труда, особенно в учреждениях открытого типа и в региональных системах. Та-

кие практики традиционно воспринимаются как социально полезные и менее конфликтные: они создают видимый результат, допускают обучение прикладным навыкам и иногда облегчают переход к занятости после освобождения. Вместе с тем именно в этой сфере велик риск консервации низкоквалифицированной занятости и отрыва от современного рынка труда, если отсутствуют элементы обучения и сертификации квалификаций.

Отечественные исследования аграрного сектора пенитенциарной системы обращают внимание, что зарубежный опыт использования труда осужденных в сельском хозяйстве эффективен лишь при сочетании трех условий — правовой определенности статуса работающего осужденного, реального экономического результата и реинтеграционной направленности, выраженной в обучении и трудоустройстве после освобождения [10, с. 21–22]. Следовательно, развитие таких практик возможно и в России, но только как часть более широкой стратегии профессионализации и социальной адаптации.

Импlications для Российской Федерации: de lege lata и de lege ferenda

Российское регулирование труда осужденных закрепляет обязательность труда и связывает его с целями исправления. Вместе с тем исследования последних лет фиксируют ряд устойчивых проблем: коллизии отраслевого регулирования, дефицит рабочих мест, недостаточная дифференциация форм занятости и недостаточная «привязка» работ к профессиональным траекториям. В научных работах указывается, что повышение эффективности правового регулирования возможно лишь при одновременном решении вопросов организации производства, мотивации и гарантий прав осужденных [2, с. 63–67].

Организационно-правовые проблемы института труда детально описаны в отечественной монографической литературе. С. Х. Шамсунов подчеркивает, что трудовая занятость в местах лишения свободы должна рассматриваться как управляемая система, включающая производственную политику, кадровое обеспечение, обучение и мотивацию; при отсутствии системного подхода «производственный сектор начинает жить собственной логикой», а исправительный компонент ослабевает [19, с. 112–118].

С учетом зарубежных моделей целесообразно дополнительно рассмотреть вопрос о «праве на труд» осужденного. Конституционно-правовой подход позволяет утверждать, что обязанность труда не исключает права требовать от государства предоставления возможности работать или участвовать в эквивалентной социальной активности; иначе обязанность превращается в фикцию и теряет легитимность. В этом смысле перевод обязанности в форму «обязанности участия» в индивидуальном плане исполнения наказания способен повысить юридическую устойчивость института и снизить конфликтность, особенно в условиях дефицита рабочих мест [4, с. 29–31; 14, с. 30–32].

В доктрине обоснованно предлагается рассматривать трудовую занятость как часть более широкой системы социальной адаптации. В ра-

ботах А. П. Некрасова трудовая занятость осужденных рассматривается во взаимосвязи с задачами исправления, профессиональной подготовки и соблюдения требований охраны труда. Поэтому труд осужденных целесообразно анализировать не изолированно, а как элемент более широкой системы исправительного воздействия [9].

С учетом зарубежного опыта представляется целесообразным предложить следующие направления развития отечественного регулирования. Первое — законодательное усиление модели «обязанности участия» через развитие индивидуальных программ отбывания наказания, где труд, обучение и иные активности рассматриваются как взаимозаменяемые формы достижения целей исправления. В этом контексте финский опыт демонстрирует, что снижение конфликтности и повышение реинтеграционного эффекта достигаются не отменой обязательности, а ее перераспределением: обязанность переносится с конкретного вида труда на участие в социально полезной активности, формирующей навыки и ответственность [5, с. 90—92].

Второе — развитие критериев «приближения к рынку труда» для оценки трудовых программ: профессиональная востребованность, наличие элементов обучения, подтверждаемая квалификация, условия охраны труда, а также разумная структура удержаний и накоплений. Европейские стандарты прямо фиксируют требование справедливого вознаграждения и возможности использовать часть заработка на личные нужды и помощь семье. Эти ориентиры согласуются с отечественными предложениями о реформировании системы оплаты труда и повышении ее справедливости [11, с. 49—51].

Третье — усиление процедурных гарантий и судебного контроля. Поскольку трудовая активность прямо влияет на поощрения, условно-досрочное освобождение и замену наказания более мягким видом, важно, чтобы оценка отношения к труду основывалась на прозрачных критериях и учитывала объективные обстоятельства (наличие рабочих мест, состояние здоровья, доступность обучения). Такая постановка вопроса согласуется с правовыми позициями высшей судебной инстанции, подчеркивающими необходимость учета поведения осужденного в целом и недопустимость формального подхода.

Четвертое — осторожное регулирование публично-частных форм труда. Зарубежная дискуссия показывает, что вовлечение частного сектора может повысить занятость и квалификацию, но требует специальных правовых ограничителей: запрет на предоставление осужденных в распоряжение частных субъектов без публичного контроля, запрет на системы, создающие экономический интерес к увеличению числа заключенных или к продлению сроков, обеспечение эквивалентной охраны труда и механизма подачи жалоб. В противном случае труд рискует стать инструментом экономической эксплуатации, что подвергается критике в современной европейской доктрине [20, р. 418—421].

Пятое — переосмысление мотивации и стимулирования труда. Эмпирические исследования в отечественной науке показывают, что стимулирование (материальное и нематериальное) влияет на качество и устойчивость трудовой занятости, а потому должно быть встроено в правовые механизмы исполнения наказания [3, с. 27—29]. Опыт Япо-

нии демонстрирует, что дисциплинарная нормативность может сочетаться с системой накоплений, ориентированной на период после освобождения, однако перенос этой модели требует учета национальных социально-правовых условий и возможностей социальной поддержки [8].

Существенный потенциал сравнительного подхода проявляется в уточнении правового статуса работающего осужденного. В отечественной доктрине неоднократно отмечалось, что труд осужденных регулируется «смешанным» образом: с одной стороны, он подчинен целям и режиму исполнения наказания, с другой — по содержанию является трудовой деятельностью, требующей применения стандартов охраны труда и отдельных институтов трудового права [18, с. 100–103]. Данная дуальность должна быть не источником неопределенности, а предметом правового конструирования.

17

В этом контексте представляется перспективным законодательное закрепление минимального «ядра» трудовых гарантий, применимых к осужденным, независимо от отраслевой квалификации отношений. Такое ядро должно включать: право на безопасные условия труда и медицинское обеспечение, запрет дискриминации при распределении работ, прозрачные правила оплаты и удержаний, доступ к информации о начислениях, право на обжалование решений о трудоустройстве и дисциплинарных мерах, а также запрет на привлечение к труду в условиях, унижающих достоинство. Сравнительный аргумент в пользу такого ядра состоит в том, что даже в системах с обязанностью труда нормализация условий и процедурные гарантии являются обязательным условием легитимности института [6, с. 43–45; 20, р. 418–420].

Отдельного внимания заслуживает вопрос мотивации и реального содержания заработка. П. Н. Посмаков, анализируя современное состояние производственной деятельности исправительных учреждений, обращает внимание на то, что общественно полезный труд используется недостаточно эффективно: фактический вывод на оплачиваемые работы остается невысоким, количество рабочих мест и технологического оборудования недостаточно, а значительный износ оборудования затрудняет выпуск конкурентной продукции и обеспечение минимальной заработной платы осужденных [12, с. 267–268].

В зарубежных системах (включая Германию и Финляндию) существенную роль играют механизмы накоплений и использования части заработка на поддержку семейных связей. Это имеет прямой реинтеграционный эффект: осужденный сохраняет ответственность перед семьей и формирует навыки финансового планирования. В российской модели такие механизмы также предусмотрены, однако их эффективность зависит от уровня реального вознаграждения и прозрачности удержаний, что требует дальнейшей научной проработки и законодательной детализации [11, с. 49–52; 13, с. 398–401].

Сравнительный опыт позволяет также уточнить приоритеты производственного развития. А. Ю. Долинин и В. И. Огородников связывают повышение эффективности трудового использования осужденных с модернизацией производственной базы, совершенствованием нормативного регулирования и сохранением исправительной направленности труда [2, с. 71–72].

Наконец, необходимо развивать научно обоснованные критерии оценки «отношения к труду» при решении вопросов поощрения и изменения правового положения осужденного. Зарубежные системы, как правило, опираются на комплексный подход: учитывается участие в программах, выполнение индивидуального плана, результаты обучения, а не только факт работы. Такая логика повышает справедливость и снижает формализм. Финская модель особенно показательна тем, что «план» и «результаты участия» выступают центральными категориями правового положения осужденного [5, с. 91 – 92].

Сравнительный опыт подчеркивает необходимость институциональной связки «тюремный труд — занятость после освобождения». Для повышения эффективности требуются механизмы передачи информации о квалификациях и трудовом опыте в органы занятости и к потенциальным работодателям, а также программы сопровождения, особенно для лиц, имеющих дефицит образования и навыков. В противном случае труд в местах лишения свободы остается замкнутым внутри системы и не снижает риск рецидива. Отечественные авторы обращают внимание на то, что развитие системы обучения и профессиональной сертификации внутри учреждений должно быть подкреплено внешними каналами трудоустройства и социальной поддержки [14, с. 31 – 33].

Противоположные позиции и обоснование предлагаемого подхода

В научной дискуссии можно выделить две противоположные позиции. Первая исходит из того, что труд в местах лишения свободы является элементом наказания и дисциплины; следовательно, он может быть обязательным, а уровень оплаты и объем гарантий могут отличаться от «обычного» труда. Сторонники этой позиции указывают на необходимость поддержания порядка и предотвращения криминогенной праздности, а также на ограниченность ресурсов пенитенциарной системы. Вторая позиция, напротив, настаивает на максимальном сближении труда осужденных с рынком труда и на распространении на них трудовых прав, включая справедливую оплату и социальное страхование; обязательность труда рассматривается как риск эксплуатации и противоречие идее реинтеграции [20, р. 412 – 415].

Представляется, что корректным является синтетический подход. Международные нормы допускают обязанность труда в отношении осужденных, но при этом устанавливают жесткие ограничения, особенно в части вовлечения частных субъектов и обеспечения публичного контроля. Европейские стандарты требуют справедливой оплаты и реинтеграционной ориентации труда. Поэтому обязательность труда может рассматриваться как допустимый инструмент исполнения наказания лишь при условии, что она «компенсируется» развитой системой гарантий, доступностью альтернативной активности (обучение, лечение, программы), а также юридически ясным статусом, обеспечивающим охрану труда и эффективную защиту прав. Именно такой баланс, по нашему мнению, наиболее перспективен для российской модели, поскольку

ку позволяет сохранить дисциплинарный и исправительный потенциал института труда, не допуская его деградации в сторону формального принуждения или экономической эксплуатации.

Аргументы первой позиции заслуживают внимания в части поддержания порядка и преодоления социальной дезорганизации, которую может вызвать «праздность» в условиях изоляции. В этом смысле обязанность труда может быть оправдана как средство дисциплины. Однако сравнительный анализ показывает, что дисциплинарная логика не должна доминировать над реинтеграционной: если труд не ведет к приобретению навыков, не гарантирует безопасности и не формирует экономически значимого опыта, то он лишь имитирует исправление и повышает риск рецидива. Этот тезис подтверждается и отечественной доктриной, настаивающей на профессионализации и мотивации труда как предпосылках исправительного эффекта [3, с. 26—29; 17, с. 85—88].

Аргументы второй позиции убедительны в части прав человека: исключение заключенных из трудовых гарантий создает «серую зону», где эксплуатация становится структурно возможной. Европейская доктрина, опираясь на анализ правового статуса и оплаты, делает вывод, что трудовая занятость должна быть инструментом включения в общество, а не механизмом исключения. Вместе с тем полное тождество тюремного труда обычной занятости не всегда достижимо, поскольку лишение свободы по определению ограничивает автономию и свободу договора; поэтому ключевой вопрос — не формальная квалификация отношений, а наличие минимального ядра гарантий и процедурной справедливости [20, р. 418—423; 22, р. 890—895].

Таким образом, предлагаемый синтетический подход исходит из того, что государство вправе требовать социально полезной активности от осужденного, но обязано обеспечить, во-первых, разнообразие форм участия (труд, обучение, программы), во-вторых, нормативную ясность статуса и прозрачность процедур, в-третьих, справедливое вознаграждение и безопасность труда, в-четвертых, эффективные механизмы жалоб и судебного контроля. Именно совокупность этих элементов превращает труд в реальный инструмент ресоциализации и снижает риск превращения тюремного труда в «инструмент эксплуатации» или в формальную дисциплинарную практику.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что зарубежные правовые порядки предлагают несколько устойчивых моделей регулирования труда осужденных к лишению свободы. Германская модель демонстрирует значение детальной нормативной регламентации, связывающей обязанность труда с гарантиями и профессиональной подготовкой; финская модель — эффективность «обязанности участия» и приоритет индивидуального плана; японская модель — потенциал дисциплинарной регламентации при наличии стимулирующих механизмов. Современная зарубежная доктрина подчеркивает риски ис-

ключения работающих осужденных из сферы трудовых прав и необходимость оценивать тюремный труд через призму реинтеграции и прав человека [20, р. 409–411; 21, р. 520–522].

Для российского правового порядка сравнительный материал позволяет сформулировать ряд направлений развития: усиление индивидуализации и расширение форм социально полезной активности, модернизация критериев оценки трудовых программ, повышение справедливости вознаграждения и прозрачности удержаний, развитие процедурных гарантий и судебного контроля, а также осторожное регулирование публично-частных форм труда с учетом международных ограничений. Реализация этих направлений способна повысить практическую эффективность института труда как средства исправления и снизить конфликтность исполнения наказания.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются оценка влияния различных моделей оплаты на мотивацию и дисциплинарные конфликты; анализ судебной практики по жалобам на условия труда и оплату; сравнительное изучение механизмов социального страхования и накоплений; а также разработка стандартов качества трудовых программ, учитывающих цифровизацию экономики и структуру региональных рынков труда. Для практических работников правоохранительных органов и пенитенциарной системы сравнительный подход важен тем, что позволяет переходить от административных мер к правовым конструкциям, в которых цели исправления, безопасность и права осужденных находятся в устойчивом балансе.

Список литературы

1. Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868.
2. Долинин А. Ю., Огородников В. И. Повышение эффективности правового регулирования труда и трудового использования осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, №1. С. 63–73. doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.063-073.
3. Емельянова Е. В. Влияние мотивации и стимулирования на содержание труда осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2015. №3 (21). С. 25–31.
4. Зенина Н. В., Павлова Е. В., Строгович Ю. Н. Привлечение к труду осужденных к лишению свободы: теоретические вопросы конституционно-правового регулирования // Российская юстиция. 2015. №1. С. 27–31.
5. Коски М., Дружининская О. В. Организация тюрем в Финляндии после реформы 2006 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. №3 (31). С. 90–96.
6. Крымов А. А., Родионов А. В., Скиба А. П. Правовое регулирование организации труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Германии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №1 (37). С. 41–46.
7. Миняева Т. Ф. Труд как основное средство исправления осужденных в свете Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года // Российская юстиция. 2013. №3. С. 31–33.

8. Мустафина Д. И., Медяков Т. С. Сравнительная характеристика особенностей труда осужденных в России и Японии // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 4 (15). С. 88–90.

9. Некрасов А. П. Цель исправления и предупреждения преступлений как основные положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ: современный взгляд и перспектива // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1 (32). С. 28–30.

10. Новожилова Ж. С. Использование труда осужденных в сельском хозяйстве пенитенциарной системы: краткий отечественный и зарубежный опыт // Агропродовольственная политика России. 2015. № 5 (41). С. 20–23.

11. Нурбаев М. С. Совершенствование системы оплаты труда осужденных в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 48–52.

12. Посмаков П. Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и основные проблемы. Часть 1 // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 3. С. 265–271. doi: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.265-271.

13. Посмаков П. Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: предложения по повышению эффективности. Часть 2 // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15, № 4. С. 396–402. doi: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.396-402.

14. Родионов А. В. Актуальные проблемы реализации уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 1. С. 27–33. doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.027-033.

15. Серебrenникова А. В. Уголовно-исполнительное законодательство Баварии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 74–78.

16. Соколова О. В., Степанова И. Б. Труд как одно из средств исправления осужденных к лишению свободы: проблемы законодательного регулирования // Lex russica. 2015. Т. 98, № 1. С. 76–83.

17. Уткин В. А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81–88.

18. Чубраков С. В. Отношения в сфере труда осужденных: правовая природа и проблемы регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 99–110.

19. Шамсунов С. Х. Труд осужденных к лишению свободы в России (организационно-правовые проблемы). Рязань, 2003.

20. Mantouvalou V. Work in prison: Reintegration or exclusion and exploitation? // European Labour Law Journal. 2024. Vol. 15, № 3. P. 409–425. doi: 10.1177/20319525241270268.

21. Milman-Sivan F., Sagy Y. On the International Labour Organization and prison labour: an invitation to recalibrate // International Labour Review. 2020. Vol. 159, № 4. P. 505–524. doi: 10.1111/ilr.12182.

22. Zatz N. D. Working at the boundaries of markets: prison labor and the economic dimension of employment relationships // Vanderbilt Law Review. 2008. Vol. 61, № 3. P. 857–958.

Об авторе

Антон Борисович Баумштейн — д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия.

ORCID: 0000-0003-1479-7850

SPIN-код: 5859-2064

E-mail: 5068896@list.ru

A. B. Baumshtein

INTERNATIONAL APPROACHES TO THE LEGAL REGULATION OF PRISON LABOUR

Southwest State University, Kursk, Russia

Received 21 January 2026

Accepted 14 March 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1

To cite this article: Baumshtein A. B., 2026, International approaches to the legal regulation of prison labour, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 5—22. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1.

This article examines international approaches to the legal regulation of prison labour in light of the purposes of punishment, offender reintegration and human rights protection. The study aims to identify core regulatory models and assess their relevance to improving Russian penal policy. The methodology framework combines comparative legal analysis, formal doctrinal methods and elements of historical and systemic inquiry. A typology of foreign regulatory approaches is proposed and validated, duty-to-work frameworks, duty-to-participate regimes embedded in individual sentence plans and market-oriented arrangements involving cooperation with private actors. The legal clarity of the status of the working prisoner, occupational safety guarantees, fair remuneration, safeguards against exploitation and effective judicial oversight are highlighted as the key criteria for effective regulation. Recommendations are formulated for the further development of the domestic regulatory framework in light of international standards and comparative experience.

Keywords: prison labour, imprisonment, penal law, comparative law, reintegration, prison policy

The author

Prof. Anton B. Baumshtein, Associate Prof., Prof. of the Criminal Law Department, Southwest State University, Kursk, Russia.

ORCID: 0000-0003-1479-7850

E-mail: 5068896@list.ru